

14. *Claridge C. Hyperbole in English: A corpus-based study of exaggeration / C. Claridge. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 302 p.*

СПИСОК УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

СТСФ – Словник тропів і стилістичних фігур / автор-укладач В. Ф. Святовець. – К. : ВЦ “Академія”, 2011. – 176 с.

L. Pivnova

FUNCTIONAL POSSIBILITIES OF EXPRESSIVE LEXICAL FACILITIES IN PROFESSIONAL TOURIST COMMUNICATION

Functional possibilities of expressive lexical facilities, their role and place in professional tourist communication are considered in the article. Communicative-pragmatic orientation is analyzed.

К e y w o r d s : tourist vocabulary, speech communication, communicative competence, communication, communicative pragmatic orientation, tourist area.

УДК 808.2

М. В. ПИМЕНОВА
(Санкт-Петербург, Россия)

КОДЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ

В статье рассматриваются *коды лингвокультуры*. Термин *коды лингвокультуры* вошел прочно в научный обиход. В статье затрагиваются проблемы языковых основ кодов славянской и западноевропейской лингвокультур как отображение национальной ментальности, языковая картина мира, язык в концептуальном осмыслении, категории и формы родного языка, концепт.

Ключевые слова: ментальность, код лингвокультуры, языковая картина мира.

Лингвокультурологи на современном этапе изучения языка выделяют особое – глубинное – культурное пространство, которое называют *кодами культуры*. *Коды культуры* – это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир. Это совокупность реалий, выражающих определенные культурные смыслы и ценности (см.: [3; 4]).

Система культурных кодов – это открытая система: нормы поведения в обществе меняются со временем, культурный код тоже трансформируется. Это положение можно подтвердить изменениями, произошедшими в отношении

М. В. ПИМЕНОВА, 2017

человека к семье и семейным ценностям на рубеже тысячелетий. Развитие культурного кода всегда следует за процессом переоценки ценностей. В основе кодов культуры лежат древние архаичные знания о мире, связанные с архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Таков, например, космогонический код (*небо свидетель, белый свет, заре навстречу* и др.).

Каждая культура имеет свою модель мира, которую в лингвистике чаще именуют картиной мира. Постичь картину мира всегда непросто; мы не замечаем то, как эта картина мира и, соответственно, коды культуры фиксируются в знаках языка. Картина мира чужой культуры более заметна, ее можно увидеть через призму языка, если подобрать ключик к системе метафор.

Содержание культуры представлено различными областями: это нравы и обычаи, язык и письменность, одежда, поселения, работа (труд), воспитание, экономика, армия, общественно-политическое устройство, закон, наука, техника, искусство, религия, проявления духовного развития народа. Все эти области в языке реализуются в виде системы кодов культуры. “Язык – уникальный архив исторической памяти народа, отражение его образа жизни, верований, психологии, морали, норм поведения” [1, с. 26]. *Код культуры* – это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир.

Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипами. При переносе в языке характеристик из одного кода в другой возникает метафора или метонимия. Код культуры – это таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления). Как указывает В. Н. Телия, культура – это “та часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека. Из этого следует, что культура – это особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик” [11, с. 18]. Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира. Категоризация как процесс сжатия многообразия – всегда лишь этап взаимодействия с миром. Сами категории формируются в нашем сознании в соответствии с конкретными требованиями культуры. Любой язык является воплощением культуры его носителей, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения актуальных понятий и отношений. В основе процесса категоризации находятся сложившиеся у народа представления о сходстве и различии объектов, будь то объекты внешнего мира (небо, звезды, облака, солнце) или феномены внутреннего мира (душа, сознание, ум, рассудок). Процессы категоризации связаны с человеком, особенностями его восприятия мира.

Наиболее актуальными выступают исследования когнитивных аспектов языка, в частности, когнитивной интерпретации носителей разных языков фрагментов своего внутреннего мира, а также ключевых концептов культуры, под которыми понимаются обусловленные культурой “ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для ... сообщества в целом” [2, с. 51].

Концепты культуры делятся на несколько групп: 1) *универсальные категории культуры (категории философии* – время, пространство, причина, следствие, изменение, движение, количество, качество); 2) *социально-культурные категории* (свобода, справедливость, труд, богатство (для русских – *достаток*), собственность (которая в русском языке обозначается и как *частная*, и *общественная*, и *общинная*, т.е. выражается описательно, а в английском языке частная собственность обозначается одной лексемой – *privacy*), бедность, нищета); 3) *категории национальной культуры* (для русской культуры – это *воля, доля, соборность, душа, дух*); 4) *этические категории* (*добро и зло, долг, правда и истина*); 5) *мифологические категории*, включающие в себя религиозные (*боги, ангел-хранитель, духи, домовый*); мифологические категории – это мифологические концепты, а также концепты из фольклорных и литературных источников. *Ключевым* можно считать тот *концепт*, который встречается в частотных общеупотребительных формах языка – словах, словосочетаниях, фразеологизмах, пословицах и поговорках, загадках.

В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на свой внутренний мир и его объекты антропоморфные и биоморфные характеристики, что закрепилось в виде метафор и метонимии. Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, находится в основе существующих в каждой культуре системе кодов лингвокультуры, среди которых растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный). Растительный, зооморфный и антропоморфный коды иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира). Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления [7].

Антропоморфный код, в свою очередь, делится на индивидуальный и социальный субкоды. Кодам культуры в основной своей части свойственен изоморфизм, т.е. в каждой культуре наличествует весь перечисленный спектр кодов, однако не все элементы указанных кодов будут изофункциональны [5, с. 28 – 39]. Поиск специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, позволяет указать на особенность культуры, отраженной в мышлении народа. Элементы кодов выступают как классификаторы и квантификаторы друг для друга, за ними закреплена некоторая символическая культурная соотношенность. В каждой культуре отмечаются свои классификационные и квантификаторные цепи, в которых мы можем проследить ассоциативные комплексы: птица → растение (*кукушка* → *кукушкины сапожки / слёзки*), птица → человек (*стреляный воробей*), птица → артефакт (*железная птица* “самолет”), растение → строение (*луковка собора*), животное → человек (*осел* → *осел* “упрямый, глупый человек”), растение → человек (*дуб* → *дуб* “здоровый, сильный, но неумный человек”), природное явление → растение

(*дождь лепестков*), живое существо → страна / государство (*в самом сердце страны*), организм → экономика страны / государства (*экономика больна*), организм → социальная система (*экономическая мощь страны*), светило → человек (*солнце моё / звезда моя* “обращение”), социальное явление → растение (*растительное царство*), артефакт → социальное явление (*жернова избирательной компании*), артефакт → психическое явление (*чаша терпения*), предмет → абстракция (*обломки былой славы*), стихия → психическое явление (*буря в душе*), природный элемент → артефакт (*юбочка опенка*), природный элемент → человек (*не человек, а кремь*), природный элемент → организм (*гора мышц*), природный элемент → общество / политика (*денежные потоки*), стихия → человек (*ураганом пронесся мимо*), стихия → социальное явление (*вихри войны*), пространство → социальное явление (*вертикаль власти*), время года → возраст человека (*осень моей жизни*) и т.д.

Каждую национальную культуру отличают специфические языковые образы, символы, образующие особый код культуры, с его помощью носитель языка описывает окружающий его мир, используя его в интерпретации своего внутреннего мира. Образы, признаки которых относятся к кодам культуры, функционируют в режиме подобия. Образные признаки актуализируют только те черты, которые являются образом образа. Такие признаки лежат в основе типовых представлений о реалиях внешнего и внутреннего миров. Образ может “подняться” до символа.

Концепты реализуются в языке различными способами. У одного и того же концепта может быть несколько способов обозначения. Например, концепт *ум* в русском языке может реализоваться посредством лексем (*ум, умный*), композитов (*ум-разум*), а также свободных и устойчивых словосочетаний (*ума палата; большого ума человек*), а также пословиц и поговорок (*ум за разум заходит; Кума, не купи гумна, а купи ума*) и др. Описание концепта может происходить в виде определения его структуры – максимально полного набора признаков, свойственных исследуемому концепту (см. подробнее: [5; 6; 7; 8]).

Образные признаки концепта представлены в языке посредством метафор. Такие образы – это реализация существующих в сознании носителей языка кодов культуры. Важно заметить, что метафорическое зеркало отражает восприятие мира в национальном сознании. Рассмотрение метафор с точки зрения их универсальности и специфичности позволяет выявить общие механизмы репрезентации концептов в языковых картинах внутреннего мира; метафора – это важный механизм, при помощи которого мы понимаем абстрактные понятия, относящиеся к сфере внутреннего мира человека, и рассуждаем о них.

Система общепринятых концептуальных метафор обычно неосознаваема, автоматична и употребляется без заметного усилия. Когда мы говорим, что *думы / мысли в голове / уме*, мы не думаем сознательно об уме и голове как о вместилищах. Под концептуальной метафорой подразумевается способ думать об одной области через призму другой. Метафора и метонимия, которые используются для описания мира человека, являются своеобразным фрагментом картины мира, не совпадающим или совпадающим частично как у представителей различных культур, так и представителей одной и той же культуры в отдельные исторические периоды. Образное представление можно определить как абстрагированный от семантики конкретных переосмысленных

слов и выражений стереотипный для определённой языковой культуры образ, воплощающий представления языкового коллектива о явлениях реального или виртуального мира сквозь призму впечатлений о мире чувственно воспринимаемом, а также совмещающий представления о предметах реального мира на основании ассоциативной общности их признаков.

В русской языковой картине мира, например, *небо* может быть представлено как твердь (*небесная твердь*). Звезды и небесные тела либо прибиты к этой тверди: *Небо – тоже ненадежно; оно может в любой момент изменить форму купола на форму пирамиды вершиной вниз, острие вершины упрется в череп мой, и я должен буду неподвижно стоять на одной точке, до той поры, пока железные звезды, которыми скреплено небо, не перержавеют; тогда оно рассыплется рыжей пылью и похоронит меня.* (М. Горький), либо плавают по небесному океану. Твердь неба вариативно определяется в русской языковой картине мира как почва, земля, поле: *Бесцветный грунт небес, песчаная земля – Всё на душу раздумье наводило* (Ф. Тютчев); *Через ливонские я проезжал поля...; Ночь светла; в небесном поле Ходит Вечер золотой* (А. Пушкин), в английских воззрениях на небе человеку видятся поля и луга: *...Sweetly they slept On the blue fields of heaven.* (J. Keats). *I stood tip-toe upon a little hill* (J. Keats).

Небо описывается как некая жидкая масса – *хлябь небесная*. *Хлябь* в русском языке означает разг. “жидкая, вязкая почва”, “топь”; разг. “непогода с бесконечным проливным дождем и слякотью”, а также устар., поэт. “бездна, глубина (моря, неба)” (12, Т. II, с. 344). В древнерусском *хлябь книжн.* (с XI в.) (обычно мн. *хляби*) – “водопад”, “потоки воды”, “стремнина” (10, Т. III, с. 1376). В английском языке метафоры, которыми описываются небеса, берут основу в морской терминологии, и небо, как море, имеет шлюзы, открытие которых приводит к ливням и сильным дождям (*heaven’s opened; Suddenly the heavens opened and it poured with rain*).

К этим воззрениям восходят и русские мифологические представления о *небе* как океане, по которому плывут звезды, облака, тучи: *На взморье далеко сребристые видны ветрила Чуть видных судов, как по синему небу плывущих* (Н. Гнедич); *Первое ощущение плавного качания слилось с таким же смутным ощущением плывущего над головой звёздного неба* (М. Фадеев); *У неба-океана не видно берегов (безбрежное небо; ср.: ...An endless fountain of immortal drink, Pouring unto us from the heaven’s brink.* (J. Keats), оно не имеет границ (*безграничное / беспредельное / бескрайнее / бесконечное небо*), нет дна (*бездонное небо*). *Небо* определяется пространственными признаками вертикали: глубины (*глубокое небо*), высоты и низа (*высокое небо, низкое небо*). В русских метафорах цвета *неба* встречается ритуальная лексика, связанная с медом и молоком – обрядовой пищей на поминках (*медовое небо; молочное небо*).

Небо в английской языковой картине мира имеет замкнутый объем (*in heaven*), внутри которого есть своя небесная сфера (*the heaven of heavens*). В русской языковой картине мира небо – это плоскость, на которой происходят некоторые события: летают птицы (*птицы на небе*), горят звезды (*на небе звезды; ср.: stars in sky*), плывут облака, хмурятся тучи (*тучи / облака на небе*). Всего таких плоскостей на *небе* – семь. В ведической мифологии наряду с “тремя сводами” или “тремя крышами”, которые держат три бога, известны представления о семи мирах или этажах мира. *Седьмое небо* – символ счастья

и блаженства (*быть на седьмом небе; the seventh heaven of delight; in the seventh heaven*).

В кодах культуры возможны одно-, двух-, трехслойные образования. Так, в первичном восприятии неба использовался физический код – видимое пространство над землей. Следующий слой восприятия – небо стало осознаваться как бог. А между этими слоями скрывается еще один – астрологический код: небо – книга, знаки которой доступны посвященным. Рассмотрим с этих позиций астрологические авторские метафоры А. С. Пушкина.

Небу в произведениях А. С. Пушкина свойственны признаки волеизъявления: *Другой!.. Нет, никому на свете Не отдала бы сердца я! То в вышнем суждено совете... То воля неба: я твоя...; волю небес* знают жрецы, волхвы: *Волхвы не боятся могучих владык, А княжеский дар им не нужен: Правдив и свободен их вещий язык И с волей небесною дружен*. Воля небес есть власть над всей землей и человечеством. Рождение человека происходит по воле небес: *Он вышней волею небес Рожден в оковах службы царской; Бывало в сладком ослеплень Я верил избранным душам, Я мнил – их тайное рожденье Угодно властным небесам...* По воле небес человек наделяется особой судьбой: *Быть может, волею небес, Я перестану быть поэтом, В меня вселится новый бес, И, Фебовы презрев угрозы, Унижусь до смиренной прозы*; особыми качествами: *Что от небес одарена Воображением мятежным, Умом и волею живой, И своенравной головой, И сердцем пламенным и нежным?*, особой внешностью: *Наина, где твоя краса? Скажи, ужели небеса Тебя так страшно изменили?* Особую судьбу человек получает по той звезде, под которой он рождается: *Уродился юноша Под звездой безвестною, Под звездой падучею, Миг один блеснувшие В тишине небес. Небо и есть судьба человека: Сменит не раз младая дева Мечтами легкие мечты; Так деревцо свои листья Меняет с каждою весною. Так, видно, небом суждено*.

Свою волю небо являет в виде знаков, которые известны людям: *И все кругом объаты были страхом, Уразумев небесное виденье, Зане святой владыка пред царем Во храмине тогда не находился; Пророчества и знаменья небесны...* Человек – свидетель происходящего в небе: *Небесного земной свидетель, Воспламененною душой Я пел на троне добродетель С ее приветною красой*. Люди читают небо, как книгу, узнавая знакомые знаки, облакая эти знания в приметы: *Старайся наблюдать различные приметы: Пастух и земледел в младенческие леты, Взглянув на небеса, на западную тень, Умеют уж предречь и ветер, и ясный день, И майские дожди, младых полей отраду, И мразов ранний хлад, опасный винограду; Жеманный кот, на печке сидя, Мурлыча, лапкой рыльце мыл: То несомненный знак ей был, Что едут гости. Вдруг увидя Младой двурогий лик луны На небе с левой стороны, Она дрожала и бледнела. Когда ж падучая звезда По небу темному летела И рассыпалась, – тогда В смятенье Таня торопилась, Пока звезда еще катилась, Желанье сердца ей шепнуть*. Бог-небо дарует людям знания в виде священной книги: *До утра молитву Смирненно твори; Небесную книгу До утра читай!; С небесной книги список дан Тебе, пророк, не для строптивых; Спокойно возвещай Коран, Не понуждая нечестивых!*

Метафора привычна в описании любых реалий, наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей

сути. Эта система играет центральную роль в определении повседневной реальности. Наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обусловлены метафорой. Представление фактов определенных сфер жизни человека посредством других – явление универсальное для разных языков. Однако сами сферы, определяющие друг друга, не совпадают. Так, например, носители русского языка прямо определяют свою национальную принадлежность посредством особых признаков концептов *душа*, *дух*, *сердце* и *ум*. Метафору обозначают как перенос из области источника в область-мишень. Область-источник (которую ещё называют донорской зоной) – это та основа, признаки, свойства и значимые характеристики которой переносятся на другую область описания (реципиентную зону). Человеку не нужно придумывать слова; он пользуется теми ресурсами, которые есть в его языке.

Человек живет в изменяющемся мире. Эти изменения относятся как к обществу, в котором мы живем, так и к науке и культуре, где появляются инновации. При этом древние знания, реликтовые формы восприятия мира закрепляются в языке, храня опыт предшествующих поколений.

В связи с целым рядом достижений в лингвокультурологии, когда накоплено и объяснено значительное количество языковых фактов, наступила пора изменить лингвометодическое сознание, т.е. систему сложившихся стереотипов и взглядов на язык и текст и способы их исследования. Уже начинает формироваться прикладная лингвокультурология. Наши предложения относительно рассмотрения кодов лингвокультуры касаются, прежде всего, исследования текста. Текст – это истинное переплетение лингвистики и культурологии, т.к. он принадлежит языку и является его высшим ярусом, в то же время текст есть форма существования культуры. А лингвокультурология как раз и рассматривает язык как систему воплощения культурных ценностей сквозь призму кодов языка.

1. Кошарная С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород, 2002. – 287 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Academia, 2001. – 208 с.
3. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды культуры в пространстве языка. – СПб., 2015. – 148 с. (Серия “Концептуальный и лингвальный миры”. Вып. 9).
4. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. – М. : Флинта, Наука, 2016. – 180 с.
5. Пименова М. В. О типовых структурных признаках концептов внутреннего мира человека (на примере концепта *душа*) // Язык. Этнос. Картина мира. – Кемерово : Комплекс “Графика”, 2003. – С. 28 – 39 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 1).
6. Пименова М. В. Концептуализация *чувства* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. – Кемерово : Комплекс “Графика”, 2003. – С. 58 – 120 (Серия “Концептуальные исследования”. Вып. 2).
7. Пименова М. В. Концептосфера внутреннего мира человека // Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Кретов А. А., Борискина О. О., Пименов Е. А., Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово : ИПК “Графика”, 2004. – С. 130 – 178 (Серия “Концептуальные исследования”. Вып. 4).
8. Пименова М. В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации. – Кемерово : ИПК “Графика”, 2004. – 386 с. (Серия “Концептуальные исследования”. Вып. 3).

9. Пименов Е. А., Пименова М. В. Антропоморфизм как один из способов концептуализации внутреннего мира человека // Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Борискина О. О., Кретов А. А., Пименов Е. А., Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово : ИПК “Графика”, 2004. – С. 179 – 207 (Серия “Концептуальные исследования”. Вып. 4).
10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М. : Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Т. 1: [А – К]. – 1420 с.
11. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13 – 24.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. – М. : Русский язык , 1999. – Т. 1. – 624 с. ; Т. 2. – 560 с.

M. V. Pymenova

LINGUOCULTURAL CODES

This article discusses linguocultural codes. The term *linguocultural codes* entered firmly in the academic community. The article addresses issues such as language basics codes of Slavic and Western linguocultures as the display of the national mentality, language picture of the world, the language in the conceptual understanding, categories and forms of their native language and concept.

К e y w o r d s : mentality, linguocultural codes, language picture of the world.

УДК 811.161.2'276.6:796.332

І. Р. ПРОЦИК
(Львів, Україна)

ФУНКЦІЮВАННЯ ФУТБОЛЬНИХ ТЕРМІНІВ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХХ СТОЛІТТЯ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ

У статті представлено українську футбольну термінологію першої половини ХХ століття, зафіксовану в художньому творі футбольної тематики – гумористичній п'єсі Івана Керницького “Король стрільців”, що вийшла друком у Галичині в 1943 році. Футбольні терміни, які функціують у тексті комедії, покласифіковано за тематичним принципом, розкрито семантику термінних одиниць, простежено випадки їхніх семантичних трансформацій та подано сучасні відповідники до футбольних лексем початку ХХ ст.

К л ю ч о в і с л о в а : футбольний термін, художній текст, семантична трансформація, тематична класифікація.

*Футбол – це дуже старовинна і культурна гра.
Іван Керницький, “Король стрільців”*

Зацікавлення лінгвістів питаннями використання термінологічної лексики поза науковим стилем пов'язане з далеко не поодинокими випадками

І. Р. ПРОЦИК, 2017